

13. 10. 93

Захаров о Марке

Комм. Захаров - 1993 - 13 окт. - с 8

Марк ЗАХАРОВ: Неуемность, граничащая с глупостью, свойственна мне до сих пор

Ах, Марк Анатольевич... Как-то незаметно, вдруг, обнаружилось, что вам шестьдесят. Интересно, это много или мало? Послушать вас, — кажется, много. Но стоит только прийти в «Ленком»... Если бы не «средства массовой информации», никто бы и не заметил, сколько исполняется Марку Захарову 13 октября. Если хотя бы однажды Марк Захаров не задел за живое многих из «простых советских граждан», никто бы и не знал, кто он такой. Тем более сколько Захарову лет.

Но очень не хочется петь дифирамбы. Или подводить итоги. Просто одиннадцатого октября у мэтра были очень грустные глаза.

— Я вообще на вид человек мрачноватый. Но это меня и радует. Я где-то вычитал, что все омики были занудами в жизни. Чарли Чаплин, Аркадий Исаакович Райкин. Да и наш весельчак Евгений Павлович Леонов в жизни тоже не сахар. Когда меня упрекают в угрюмости,

я спокоен. Может, это и есть накопление той веселой энергии, которая разрядится в очередном спектакле?

— Но почему у вас сейчас такой задумчивый вид? О чем вы думаете?

— Это обычное состояние. В моем кабинете — стеклянные двери. Я сижу задумчивый, хотя на самом деле ни о чем не думаю. Но когда заглядывают артисты, они заранее проникаются дополнительным уважением ко мне. Будучи уверенными, что вот он, мэтр. Он полон «глубоких мозговых процессов».

— Марк Анатольевич, вы ощущаете свой возраст?

— Совсем недавно у меня стало прихватывать сердце. Об этом неинтересно рассказывать.

— Простите, но возраст не только физическая величина.

— Это вы о каких-то моих режиссерских воззрениях? Консерватизм накапливается с возрастом. И начинает выпирать ретроградство. Ведь самые лучшие лирические стихи человек способен напи-

сать в двадцать с небольшим.

— Очень странно слышать ваши слова. Тем более что «Ленком» остается до сих пор самым популярным театром.

— Задор и неуемность, которая подчас граничит с глупостью, мне до сих пор свойственны. И ваши слова о театре мне очень приятны. Хотя бы потому, что мы провели одну очень важную акцию: «вывели на премьеру» так называемое второе поколение «Ленкома». Опровергнув тем самым мнение, что зрители ходят только на именитых актеров. Хотя я горжусь и преклоняюсь перед «звездами».

— Работать со «звездами», наверное, каторга. Как вам удается найти с ними общий язык?

— Сейчас пожалуй. Но так, чтобы их не обидеть. Потому что возникают, конечно, некоторые тяготы. Вот предлагают человеку работу за свободу конвертируемую валюту. Сказать «не участвуй!» я, естественно, никогда не решусь. Поэтому в последнее время мы немножечко погрязли в компромиссах. Но главное, чтобы предложения были интересны. Например, поучаствовать в жюри Каннского фестиваля.

— Многие актеры «Ленкома» уходят от вопроса, какого склада человек ими руководит. Все ссылаются на то, что коллектив дружный. И все же Захаров — человек авторитарный?

— Знаете, современный российский театр с постоянной группой должен в себе сочетать какое-то авторитарное, даже диктаторское начало со студийной коллегиальностью. Вы понимаете, что речь идет только о художественной стороне вопроса? Тогда это сильный коллектив, это явление. Я даже не смогу объяснить, что это за явление. Но одновременно я понимаю, что многое в результатах труда зависит от моего здоровья, самочувствия. Даже настроения. Это, в общем, несправедливо. Но у меня есть оправдание: так устроен театр.

— Скажите, у вас, бывшего актера, не возникает желания выйти на сцену?

— Однажды очень уважаемый драматург принес мне рукопись, посвятив ее нашему театру. Пьеса была о Пушкине. Я спросил: «А кто у нас Пушкина-то будет играть?». Автор улыбнулся укоризненно и сказал: «Вы, Марк Анатольевич». А я представил сразу ту радость, которую испытает коллектив, когда я начну клеить себе бакебарды, зиваться. Нет, артистом я уже был: в Театре сатиры. Наверное, я был посредственным артистом.

— Марк Захаров многое успел попробовать. «Ленком», кино, телевидение. Марк Анатольевич, у вас, наверное, жизнь удалась?

— Вот глупый вопрос... Я недоволен многими вещами, но не хочу сейчас плакаться.

Мы все сейчас плачемся друг другу. Зачем? Я должен признать, что люблю свою профессию. И на работу иду с удовольствием. Этим, к сожалению, может похвастаться не каждый.

Ах, Марк Анатольевич... Как сегодня обойтись без вопросов о революциях? Особенно когда каждый интеллигент считает «своим долгом заявить»... Захаров уходил от оценок, называя всех несогласных не оппозицией, а вежливо очень — оппонентами. «Даже если это стрелюющие оппоненты». Не уйти сегодня от этих вопросов, как бы ни хотелось. Особенно если собеседник говорит вам, что обожает перечитывать Бердяева и Соловьева. И не переносит беллетристику. Но зато купил во время последних гастролей в Питере Льва Гумилева.

— У вас, наверное, нет опасений перед будущим?

— Есть, как ни странно. Их лучше всего сформулировал Солженицын в своей работе «Как нам обустроить Россию». Я не помню эти слова дословно, но близко к тексту... «Часы коммунизма свое отбили. Бетонная стена рухнула. Но как бы нам заобретение свободы не расплющиться под ее обломками...». Вы думаете, эта проблема беспокоит меня одного?

Серафим БЕРЕСТОВ,
Мария АНДРЕЕВА.
Фото Андрея ФИЛАТОВА.